
«ДЛЯ НАС ЭТО НОРМАЛЬНО»: ИССЛЕДОВАНИЕ «РЕКРЕАЦИОННОГО» УПОТРЕБЛЕНИЯ ГЕРОИНА В КУЛЬТУРНОЙ ПРАКТИКЕ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Х. Пилкингтон

В 1990-е годы различные наркотики стали более доступны, что создало определенные условия для различного рода наркоэкспериментов. На этом основании можно предположить, что в России, как и на Западе произошла «нормализация» потребления наркотиков в культурной молодежной практике. С одной стороны, в этом процессе находит отражение глобализация наркорынков, с другой – сохраняются значительные различия в локальных паттернах и практиках потребления наркотиков. В России одно из таких различий связано с большой распространенностью героина в культурном молодежном мейнстриме многих городов страны. Результатом этого стало значительное сближение между потреблением «рекреационных» и «проблемных» наркотиков, чего не «улавливала» западная теория «нормализации» потребления рекреационных наркотиков». В «новом» контексте потребители героина говорят о своем использовании наркотиков как о повседневных практиках выбора и контроля, что делает потребление героина похожим на потребление «рекреационных» наркотиков. Хотя это не может не вызывать обеспокоенность, существуют свидетельства того, что подобные потребители сохраняют крепкие социальные – институциональные, семейные и дружеские – связи, помогающие предотвратить их субкультурную изоляцию, которая, как правило, сопровождает наркотическую зависимость.

Статья впервые опубликована в Pilkington H. For us it is normal: Exploring the recreational use of heroin within Russian youth cultural practice // Journal of Communist Studies and Transition Politics. 22(1). 2006. P. 24–53. Перевод публикуется с любезного разрешения автора и Journal of Communist Studies and Transition politics.

Ключевые слова: молодежь, молодежная культура, понятие «нормализации», героин, постсоветская Россия

«Хотя вот есть знакомый друг, он уже два года на героине, нюхает. Мы все как-то привыкли, для нас это уже нормально, ну, нормально. Для нас это нормально, потому что ему не плохо... Видишь, что ему хорошо и не помогаешь. Может это и плохо? Я не знаю. Но ему уже не поможешь. Ему это нравится». 16-летняя девушка, регулярно потребляющая наркотики, Воркута ¹.

«Тезис о нормализации»: локальная теория с глобальными претензиями

К 1990-м годам тенденция к постепенному исчезновению «субкультурных» особенностей из процесса потребления наркотиков распространилась в обществе настолько, что использование рекреационных наркотиков оказалось «нормализованным» в мейнстриме молодежной культуры [Measham, Newcombe, Parker, 1994; Parker, Aldridge, Measham, 1998. Р. 157]. Возможно, что этот феномен – в дальнейшем мы будем обращаться к нему в контексте «тезиса о нормализации» – является таким же глобальным явлением, как торговля наркотиками и законодательные практики запрещения и терпимого отношения к наркотикам.

Тезис о нормализации является обобщением следующих ключевых гипотез [Parker, Aldridge, Measham, 1998. Р. 153–157]. Доступность наркотика – превращение наркотиков в товар и глобализация их поставок значит, что в 18 лет большинство молодых людей уже были в ситуациях, когда у них была возможность либо купить, либо попробовать наркотики. Экспериментирование с наркотиками: наблюдается устойчивый рост экспериментов с наркотиками. Считается, что 50–60 % молодежи уже пробовали нар-

¹ Ссылки на респондентов, принявших участие в этом исследовании делаются с указанием возраста, пола, места их проживания и статуса потребления наркотиков. Статус потребления наркотиков определялся самими респондентами при ответе на вопросы полуструктурированного интервью. Всем предлагалось выбрать по карточке одно из четырнадцати описаний их личного опыта использования наркотиков. Их ответы использовались для классификации респондентов по четырем обобщенным категориям. «Отказники» – это те, кто выбирали формулировку «еще ни разу не пробовал и никогда не буду» или «баловался наркотиками, но сейчас завязал»; «разовики» – это те, кто описывал свой опыт в терминах единичного или серии разовых «экспериментов» с наркотиками; «регулярники» – это те, кто описывал свое потребление как повторяющееся и регулярное и «будущие» – это те респонденты, которые на момент исследования – «отказники», но не исключают возможности будущего потребления.

котики, как минимум, один раз к 18 годам. Размываются ранее существовавшие гендерные и классовые различия в экспериментировании с наркотиками. Потребление наркотиков: наблюдается устойчивый рост количества молодых людей, регулярно потребляющих наркотики, которые делают свой выбор, оценивая затраты и выгоды от рисков и удовольствий, связанных с приемом наркотиков. Информированность о наркотиках: молодые люди обмениваются наркотическим опытом и историями в независимости от того, принимают они наркотики или нет. Отказники начинают терпимо относиться к потреблению наркотиков другими, если это «разумное» и рекреационное использование наркотиков. Будущие намерения: существует открытость в отношении возможного будущего потребления наркотиков даже среди той взрослой молодежи, которая прошла через подростковый период, не принимая незаконные наркотики. Культурное принятие незаконного: нормализация означает включение и принятие употребления наркотиков в контекст групповых культур, даже если прежде эти практики считались самими молодыми людьми «девиантными». Это способствует тому, что потребление наркотиков «выводится» из сферы субкультуры и тем самым допускается рекреационное использование тех наркотиков, которые в меньшей степени ведут к физической зависимости. При этом подобное потребление наркотиков становится частью повседневной деятельности наряду с интенсивной учебной, работой и отдыхом.

Таким образом, хотя данный вывод был сделан на основе обширного исследования в Великобритании, есть смысл представить его в качестве некоей теории среднего уровня, которая могла бы быть с пользой применима к пониманию тенденции потребления наркотиков в других географических точках обществ «позднего модерна», с одной стороны. С другой стороны, «тезис о нормализации» тесно связан с конкретным местом. Исследование, на котором он базируется, имеет специфические временные и пространственные рамки, ограниченные особыми практиками использования наркотиков на Северо-Западе Англии в 1990-е годы. Действительно, авторы предупреждают, что их выводы «корректно использовать только к использованию определенных наркотиков, в первую очередь конопли, а также нитритов, амфетаминов, и сюда же иногда включают LSD и экстази. Героин и кокаин не были включены в данный тезис» [Parker, Aldridge, Measham, 1998. P. 152].

Более того, дальнейшие исследования этих авторов фокусируются на специфических моделях использования этих «рекреационных наркотиков» внутри определенных молодежных культурных практик, которые ассоциируются с клубами и танцевальными площадками в Великобритании в конце 1980-х и 1990-х годов [Measham, Aldridge, Parker, 2001].

Не случайно, что применение выводов о нормализации потребления наркотиков даже в отношении молодежи других регионов Великобритании внесло в их формулировку несколько важных критических уточнений. Наиболее общее и логически вытекающее из них заключается в том, что «нормализация» как концепт слишком широк, и он не позволяет проследить то, каким образом некоторые типы наркотиков и их потребление могут, а некоторые не могут быть «нормализованы» в некоторых группах молодежи [Shildrick, 2002. P. 35]. Этот обобщающий аргумент позволяет нам понять, что изменение отношения к потреблению наркотиков и связанным с ним практикам сложнее и дифференцированнее, чем это представлено в рассматриваемом тезисе [MacDonald, Marsh, 2002. P. 27], и может быть разложено на более частные выводы.

Эти идеи можно обобщить следующим образом – в данных по реальному употреблению наркотиков преувеличивается распространенность наркотиков и занижается степень взаимосвязи между тем, как говорят о наркотиках в молодежной среде и как эти процессы характеризуются в доминирующих дискурсах, то есть недостаточно учитываются данные о поведении [Shiner, Newburn, 1997. P. 511–519; Blackman, 2004. P. 144; Shildrick, 2002. P. 41]. Теоретический вывод о том, что индивиды делают выбор в отношении «рисков», с которыми они сталкиваются в информационно насыщенном контексте, оставляет без внимания гораздо более фундаментальные определяющие наркотического потребления, а именно относительную стоимость и доступность наркотиков определенного типа [Gossop, 2000. P. 38; Pearson, 1987; Parker, Bakx, Newcombe, 1988; Johnston, MacDonald et al., 2000; MacDonald, Marsh, 2002; Shildrick, 2002] и традиционные модели неравенства [Shildrick, 2002. P. 45]. Тем самым вывод о нормализации или слишком локализован или, наоборот, вырван из контекста времени и места. «Нормализация» подвергается критике за ее внеисторичность, особенно за то, что она не в состоянии распознать своих предшественников в критике «мифологии наркомана», характеризующей исследования конца

1930-х годов [Blackman, 2004. P. 137–138]. В то же время обсуждаемый здесь тезис критикуют за преобладание в нем норм специфической молодежной культурной сцены (а именно танцевальной / клубной культуры на Северо-Западе Англии в 1980-е – 1990-е годы), что ведет к универсализации резкого разделения между «рекреационным» и «проблемным» потреблением наркотиков [Shildrick, 2002. P. 45]. Настоящая статья, однако, рассматривает только один из аспектов обсуждаемой проблемы: вопрос ставится о том, насколько точно четкое различие, проводимое между потреблением «рекреационных» и «проблемных» наркотиков в рамках «тезиса о нормализации», отражает модели потребления наркотиков среди молодых людей в России в начале XXI века¹.

Первые предположения о том, что традиционные границы между потреблением «рекреационных» и «проблемных» наркотиков размываются были выдвинуты Говардом Паркером в соответствии с результатами исследования географических и социальных параметров «нового прорыва / всплеска героина» в 1990-е годы [Parker, Bury, Egginton, 1998]. Это утверждение было проверено, подтверждено и детально разработано МакДональдом и Маршем, чье исследование в Тиссайте показало увеличение числа молодежи, «переходящей Рубикон» между потреблением рекреационных и проблемных наркотиков в своей «наркокарьере», причем эта тенденция отличает и употребление героина [MacDonald, Marsh, 2002. P. 27].

Авторы показывают, как потребление рекреационных наркотиков в раннем подростковом возрасте может позже перерасти в героиную зависимость, даже если молодые люди первоначально негативно высказывались о своих сверстниках, употребляющих героин. МакДональд и Марш объясняют это концентрацией факторов социального исключения. Отмечу, что в некоторых местностях уровень социального исключения, которые Паркер, Бари и Эггинтон определенным образом связывали с потреблением героина в 1990-х годах (проживание в «районах с неразвитой социальной инфраструктурой», бедность, неполная самореализация в сфере образования

¹ В этой статье рассматриваются именно практики потребления наркотиков, нежели отношение к данному потреблению. Как следует из методологической критики, очерченной выше, и из существующих исследований по данной теме [McElrath, McEvoy, 2001. P. 177–178], изучение того, что молодежь думает о потреблении наркотиков, должно проходить параллельно с исследованием их реального потребления. Проект нашего эмпирического исследования был построен в соответствии именно с данным принципом.

и безработица), вполне сопоставимы с теми условиями, в которых находится большинство молодых людей в России [Ibid. P. 34].

Данная статья опирается на литературу, посвященную «тезису о нормализации», исследовательской критике этого тезиса, работам, в которых представлены результаты исследований, посвященных потребителям героина. Задача видится в том, чтобы рассмотреть гипотезу о связи между распространенностью и практиками потребления героина среди российской молодежи и восприятием его в определенных временных и пространственных контекстах не как «другого», то есть проблемного, опасного наркотика, как он обычно определяется, а как «рекреационного наркотика». После беглого обзора данных о распространенности героина в постсоветской России, статья фокусируется на культурном контексте использования героина молодежью в трех российских регионах. На основе данных, полученных через интервью и этнографическое исследование, описывается обширный спектр практик, связанных с героином, включая экспериментирование, проблемное потребление, прекращение использования, отказ и редкое или «безопасное» потребление героина. И, наконец, нарративы респондентов используются для анализа последствий очевидно *несубкультурного* (социального, рекреационного, домашнего) контекста, описываемых практик потребления героина для теоретического осмысления взаимоотношений между рекреационным и проблемным использованием наркотиков.

Методы

Эта статья базируется на оригинальном исследовании, проведенном в России при финансовой поддержке Совета по Экономическим и Социальным Исследованиям (ESRC) проекта «Повседневное, но не нормальное: Потребление наркотиков и молодежные культурные практики среди российской молодежи»¹. Данный проект представляет собой сотрудничество Центра Российских и Восточно-Европейских Исследований в Бирмингемском университете в Великобритании и центра «Регион» в Ульяновском государственном университете в России, в основе развития проекта лежало интенсивное сотрудничество этих центров, начавшееся в начале 1990-х годов. Точнее,

¹ Данное исследование было проведено при финансовой поддержке Совета по Экономическим и Социальным Исследованиям (ESRC) (Ref. R000239439) [для полного отчета о его результатах см.: Pilkington, 2004].

проект строился на основе совместной работы по изучению молодежных культурных практик [Pilkington, Omel'chenko et al., 2002], а также на основе более раннего исследования центра «Регион», вызванного вспышкой потребления героина в Ульяновске [Подростки и наркотики, 1999; Геро-ин нашего времени, 2000]. С британской стороны подготовкой и организацией проекта занималась Хилари Пилкингтон, а с российской – Елена Омельченко, и хотя эта конкретная статья написана Хилари Пилкингтон, она базируется на работе, проведенной всей исследовательской группой¹. Вся группа была также вовлечена в проведение полевого исследования, анализ полученных данных, написание отчетов и подготовку публикаций².

Полевое исследование для проекта было проведено в период между апрелем 2002 года и мартом 2003 года в трех российских регионах: Краснодарском крае, Самарской области и Республике Коми. Эти регионы были выбраны с целью отразить географические горизонты страны, начиная с крайнего Юга и кончая крайним Севером, и охватить все разнообразие рынка наркотиков в России: Краснодарский край – это место, где конопля произрастает в диком виде, Самарская область – находится на пути трафика наркотиков из Афганистана в Восточную Европу; Республика Коми – изолированная и от мест домашнего произрастания наркотиков, и от обычных путей трафика. В каждом из трех регионов полевое исследование проводилось в трех различных населенных пунктах. В каждом отдельном случае это был второй по величине город региона (Воркута, Тольятти и Сочи) и два города / поселка среднего размера (50–120 000 человек): в Республике Коми это были Ухта и Печора;

¹ В состав основной исследовательской группы входили: Хилари Пилкингтон, Елена Омельченко, Эрика Ричардсон, Наталья Гончарова, Евгения Лукьянова, Ольга Доброштан, Ирина Костерина и Эльвира Шарифуллина. Евгения Лукьянова вела в проекте количественные исследования, а также участвовала в интервьюировании в поле. Наталья Гончарова координировала полевые исследования (как количественный опрос, так и сбор качественных интервью) и участвовала в них. Ольга Доброштан, Ирина Костерина и Эльвира Шарифуллина выполняли этнографическую часть проекта. Эрика Ричардсон координировала и проводила прикладное исследование (связанное с продвижением здорового образа жизни) в рамках проекта. Другие сотрудники центра «Регион» принимали участие в проекте во время особенно интенсивных полевых исследований и анализа данных или оказывали поддержку в планировании исследования. В проекте приняли участие также Людмила Шкляр, Дмитрий Омельченко, Владимир Павлов, Денис Филатов и Наталия Шапорева. Группе оказывали помощь в регионах, где проводилось эмпирическое исследование, Светлана Ярошенко, Олег Оберемко, Дмитрий Нечаевский, Александр Шехтман и Светлана Тесля.

² См. например: Наталья Гончарова, Ольга Доброштан, Евгения Лукьянова, Ирина Костерина, Елена Омельченко, Хилари Пилкингтон «Нормальная молодежь: пиво, тусовка, наркотики». Ульяновск: Изд-во Ульян. ун-та, 2005.

в Самарской области – Чапаевск и Отрадное; и в Краснодарском крае – Белореченск и Славянск-на-Кубани.

В дизайне проекта интегрированы четыре метода сбора материалов: репрезентативный опрос, полуструктурированные интервью, небольшие этнографические исследования и экспертные интервью. Репрезентативное анкетирование проводилось среди 14–19-летних (N=2814), представляющих репрезентативный срез молодежи в данном регионе, доступ к опрашиваемым был получен через образовательные учреждения в каждом из девяти городов и поселков, упомянутых выше. В статье эти данные затрагиваются вскользь, и детали, как по результатам, так и по методологической структуре элементов этой работы, можно найти в работе Пилкингтон [Pilkington, 2004]. Параллельно с анкетированием в каждом из девяти поселков и городов собирались полуструктурированные интервью (N=95). Респонденты были приглашены принять участие в интервью продолжительностью 45–90 минут, предварительно заполнив вопросник. Интервью проводились анонимно сразу же после заполнения вопросника, обычно они записывались в пустом классе, на школьном дворе или на лавочке неподалеку от школы или же в другом (общественном) месте во время, удобное для респондентов. Все интервью были записаны на диктофон, расшифрованы и проанализированы, используя ATLAS.ti. Регулярные встречи исследовательской группы для согласования кодирующей схемы в процессе анализа интервью требовали такого же тесного сотрудничества, как и само полевое исследование. Этнографические исследования были проведены в трех местах: Сочи, Воркуте и Чапаевске, – в целом, в девятнадцати компаниях молодых людей. Молодой исследователь из ульяновской группы находился в каждом из этих мест в течение шести недель весной 2003 года. Первоначальное знакомство с респондентами происходило в ходе полевых исследований на стадии анкетирования или интервьюирования, но в дальнейшем исследователи, вводимые этими респондентами в их дружеское окружение, не были связаны «квотами» анкетирования и полуструктурированного интервью. Так, участники, вовлеченные в этнографический элемент проекта, были иногда младше 14 или старше 19 лет. Для поддержки исследователей были проведены два тренинга до начала полевых исследований, в поле с ними также поддерживались частые контакты посредством мобильных телефонов и Интернет-кафе. Каждый исследователь вел дневник наблюдений и просил ключевых респондентов помочь исследованию, ведя собст-

венные письменные или записанные на аудиокассеты дневники. Исследователи и респонденты сопровождали свои дневники фотографиями и собирали такие местные артефакты, как постеры, клубные флаеры и музыкальные записи. Четвертым методом было экспертное интервью с персоналом из ключевых учреждений, занимающихся образовательной работой по профилактике наркотизации в Воркуте, Тольятти и Сочи.

Рыночный контекст: распространенность потребления героина среди российской молодежи

В России героин распространяется среди потребителей наркотиков достаточно поздно. Во второй половине 1990-х годов он становится легко доступным наркотиком в российских городах, замещая менее сильные опиумные растворы домашнего изготовления, анестетики и медицинские препараты, которые до этого были распространены среди российских потребителей инъекционных наркотиков [Paoli, 2002; Bless, Kemmesies, Diemel, 2002. Р. 11]. В условиях «прозрачных границ» с новыми независимыми государствами Центральной Азии поставка наркотиков получила быстрое и интенсивное развитие. В 1990-е годы наблюдался резкий рост распространения потребления героина, и была зафиксирована целая серия тогда еще не подсчитанных местных вспышек использования героина. Число зарегистрировавшихся в наркологических клиниках потребителей героина увеличилось с 33 721 в 1999 году до 117 435 в 2000 году, что сделало героин наиболее быстро набравшим популярность среди наркоманов [Kramer, 2003. Р. 16]¹.

Распространенность потребления героина в России в целом трудно оценить, так как национальные опросы, которые включают вопросы о наркотиках, спрашивают о потреблении наркотиков в целом, не дифференцируя типы наркотиков. Однако в 1999 году Россия впервые была включена в трансъевропейский опрос ESPAD (Опрос Европейской Школы по Проекту об Алкоголе и Других Наркотиках), который выявил, что 6 % 15–16-летних молодых людей употребляли героин хотя бы один раз в жизни. Данный результат выделяет Россию на общем фоне, поскольку больше ни в одной из 22 стран, участвовавших в опросе ESPAD, соотношение потребления героина по ответам

¹ Всего зарегистрированных наркоманов в России в 2004 году было 500 000 человек, тогда как актуальное число наркоманов составило 4 миллиона человек [Interfax, 2004].

респондентов не превышало 2 % [Paoli, 2002. Р. 22] ¹. Еще один индикатор растущей распространенности героина в России обнаруживается в национальном опросе в июне 2001 года среди молодых людей в возрасте 12–22 года (N=2000). По данным этого опроса из 43,8 % респондентов, которые сообщили о потреблении наркотиков в течение своей жизни, 13,3 % потребляли героин [Арефьев, 2002. С. 5] ². В ряде опросов, выполненных на региональном уровне, распространенность наркотиков различается также по их типам. Исследование об использовании наркотиков среди учащихся в Ямало-Ненецком округе в 2001–2002 годах показывает, что у 18 % 16–17-летних учащихся школы был в тот момент опыт потребления наркотиков, и из них 6 % потребляли героин ³, в то время как 39 % студентов вузов экспериментировали с наркотиками как минимум один раз, и из них 14 % сообщили о потреблении героина [Стожарова, 2003. С. 131, 140]. Опрос 1 330 16–17-летних учащихся в городе Ульяновске обнаружил, что приблизительно 1/3 из них пробовала наркотики и что 47 % пробовавших использовали героин [Подростки и наркотики, 1999. С. 14] ⁴.

Данные министерства здравоохранения, наряду с результатами национальных и региональных опросов по распространенности наркотиков, указывают на то, что в аспекте «доступности» и «экспериментов с наркотиками» к концу 1990-х годов героин в России определенно вышел из разряда маргинальных наркотиков и стал частью ре-

¹ Важно отметить, что единственным местом в России, где проводилось исследование, была Москва, которая является нетипичным российским городом. Это подтверждается результатами опроса ESPAD о потреблении LSD, которые дают оценку потребления данного наркотика как 4–5 %; данные цифры не повторяются ни в одном из других опросов, проводившихся в России, так как LSD – дорогой наркотик, легко доступный только в самых больших и развитых городах страны.

² Данный опрос проводился на примере Москвы, Санкт-Петербурга и ряда областных центров Центром социологических исследований при Министерстве образования России.

³ Девять процентов респондентов обозначили себя как пробовавшие «опиумные наркотики» (opiates), включая маковую соломку. Не ясно, принимаются ли данные наркотики дополнительно, наравне с героином, или же респонденты, сообщившие о своем потреблении героина, исключили его в свой положительный ответ о потреблении «опиумных наркотиков» вообще. Исходя из наших данных, можно предположить, что, скорее всего, речь идет о втором варианте.

⁴ Конечно же, на региональном уровне исследования проводятся в качестве ответа на выявление определенной социальной проблемы и как руководство к ее решению, и поэтому они схватывают наиболее «экстремальные» проявления. Примером этого являются результаты ульяновского исследования (1998–1999 годы), на которые теперь ссылаются местные наркологи как на «героиновый бум» или «героиновую эпидемию». Ведущееся исследование в Ямало-Ненецком округе также ясно показывает «пик» потребления героина, в данном случае, в 1999–2000 годах [Стожарова, 2003. С. 92].

пертуара широко доступных, часто потребляемых «рекреационных» наркотиков. Как утверждают МакДональд и Марш, в местах, демонстрирующих такую высокую распространенность героина, молодежь может незаметно для себя «переходить Рубикон» между «рекреационным» и проблемным (героин) потреблением наркотиков [MacDonald, Marsh, 2002. P. 27].

Данные репрезентативного опроса, выполненного под эгидой нашего собственного проекта, подтверждают предположение МакДональда и Марша, хотя наш опрос показывает, что конопля (и производные из нее вещества) являются наиболее широко употребляемыми незаконными наркотиками в России. Кроме того, опрос подтверждает, что героин – это второй по предпочтению наркотик среди российской молодежи. В регионах, рассмотренных в исследовании «Повседневное, но не нормальное...», 1,8 % респондентов в тот момент сообщили о потреблении героина и 9,3 % всех тех, кто сообщил об употреблении незаконных наркотиков хотя бы один раз в своей жизни, указали, что этим наркотиком был героин. Более того, когда спросили респондентов – какие наркотики потребляют их друзья – 6,7 % из них (региональная вариация от 2 % до 8 %) сообщили о потреблении героина среди их собственной компании друзей. Больше чем каждый пятый сталкивавшийся с потреблением или продажей наркотиков в местах, где они с друзьями проводят время, сообщил, что этим наркотиком был героин.

Необходимо заметить, что наш опрос, скорее, дает заниженную оценку потребления героина из-за использованных в нем квот для выборки респондентов и доступа к респондентам через образовательные учреждения; такая выборка исключает молодых людей с проблемным потреблением наркотиков, которые находятся вне системы образования¹. Поэтому результаты нашего опроса не исключают существования особых «субкультур» потребителей проблемных наркотиков. Однако фокусировка нашего опроса на молодежи, участвующей в наиболее распространенных социальных и культурных практиках и институтах, демонстрирует проникновение героина – символически, а также материально – в культурное знание и практики «обыкновенных» молодых людей. В этом смысле наши результаты

¹ Однако в других отношениях наши данные более репрезентативны, чем другие, нацеленные на молодежь опросы о потреблении незаконных веществ, так как наше исследование проводилось в городах со средней численностью населения (50–120 000 человек), а не в крупных городах (особенно региональных центрах), которые дают показатели распространения наркотиков выше среднего.

подтверждают тезис о «десубкультуризации», выдвинутый Паркером с соавторами, поскольку мы обнаружили, что размываются существовавшие ранее гендерные и социально-классовые различия в экспериментировании с наркотиками.

Более того, наши результаты подтверждают, что данная тенденция справедлива как в отношении героина, так и «рекреационных» наркотиков. Например, было обнаружено, что героин – в той же степени наркотик «богатых», как и бедных, и что он распространен относительно больше среди молодых женщин, чем среди молодых мужчин; среди сообщивших о том, что они пробовали наркотик, и этим наркотиком был героин, оказалось 13,5 % респондентов-женщин и 7,1 % респондентов-мужчин¹. Наконец, данные нашего опроса показывают, что высокая доля присутствия героина на российском рынке сопровождается ранней, более экспериментальной вовлеченностью в наркотики молодежи. В Великобритании считается, что возраст начала потребления героина – это, приблизительно, 17 лет². Для сравнения, данные из проекта «Повседневное, но не нормальное...» показывают, что о потреблении героина сообщают преимущественно те, кто относится к возрастной группе 14–15-летних; в то время как 9,3 % всех сообщивших о потреблении наркотиков сказали, что они употребляли героин; данное соотношение возрастает до 11,8 % среди 14–15-летних. Это подтверждают свидетельства из Западной и Северной Европы о том, что в местах новых героиновых вспышек наблюдается значительное снижение в возрасте начала экспериментирования с наркотиками [Parker, Bury, Egginton, 1998. P. 44], когда героин часто циркулирует среди друзей и становится широко распространенной привычкой в районах их проживания [Pearson, 1987, P. 13; Lalander, 2003. P. 44].

Культурный контекст: «рекреационное» потребление героина среди российской молодежи

В дискуссии о потреблении рекреационных наркотиков, как составной части «тезиса о нормализации», прилагательное «рекреаци-

¹ То же верно в отношении сообщений о потреблении героина в компаниях близких друзей. В республике Коми, например, о потреблении героина среди друзей сообщили 5,2 % респондентов-мужчин, но 10,6 % респондентов-женщин.

² В Британском уголовном опросе этот возраст определяется как 17,4 года [Aust, Sharp, Goulden, 2002. P. 5], в то время как Паркер и другие указывают возрастную группу между 16 и 18 лет как типичную для героина [Parker, Bury, Egginton, 1998. P. 28].

онный» означает тип потребляемого наркотика в той же степени, что и манера его потребления¹. В этом разделе данная связь подвергается детальному анализу, так как в проекте «Повседневное, но не нормальное...» исследовались содержание и манера потребления героина, чтобы понять, насколько отчетлива разница между культурными практиками потребления героина и потребления наркотиков, в меньшей степени ведущих к зависимости. Нарративы, полученные в ходе ограниченного числа кейс-стади по исследовательскому проекту «Повседневное, но не нормальное...», сравнивались и противопоставлялись с данными более обширных исследований, посвященных использованию героина. Такое сравнение предполагает, что для российских культурных молодежных практик характерна манера случайного, длительного, «безопасного» употребления героина, что, в общем, соответствует той манере, которая была выявлена в Великобритании и США за последние тридцать лет.

Тем не менее согласно существующим, хотя и ограниченным, данным по использованию героина, обнаруживается, что такое «безопасное» употребление героина менее субкультурно и в большей степени инкорпорировано или существует параллельно с традиционными формами «рекреационного» использования наркотиков, в основе которого лежит потребление в группе сверстников. Утверждается, что *несубкультурная* локализация может сама по себе играть важную роль в поощрении, но также и в контроле над «рекреационным потреблением» героина; тот факт, что потребители героина сохраняют и поддерживают прочные и разнообразные дружеские и семейные связи, преследуют цели, статусы и ценности «мейнстрима», может помочь предотвратить попадание потребителей героина в череду депривационных событий, которые затягивают их в воронку социального исключения и «проблемного» потребления наркотиков.

Героин в наркотической карьере респондентов

Последующий анализ базируется на интервью и этнографических данных, полученных от трех респондентов, которые употребляют или употребляли в прошлом героин, и одиннадцати респондентов, рассказывающих о людях из их дружеского окружения,

¹ Как отмечалось выше, Паркер и соавторы ясно говорят о том, что их тезис относится только лишь к рекреационному потреблению наркотиков, ведущих к наименьшей физиологической зависимости [Parker, Aldridge, Measham, 1998. P. 153–157].

употребляющих героин в настоящее время или употреблявших его в прошлом. Это совсем небольшая выборка, если сравнивать с исследованиями, непосредственно посвященными потребителям героина [см.: Zinberg, 1984; Pearson, 1987; Parker, Bakx, Newcombe, 1988; Parker, Bury, Egginton, 1998; Lalander, 2003], хотя сам факт того, что потребление героина лежало вне основного фокуса нашего исследования, делает наши выводы еще более значимыми. Внутри этой выборки активных в сфере образования и мейнстримно социализированных молодых людей было обнаружено значительное число респондентов с опытом (собственным или их друзей) употребления героина, что открывает альтернативное видение перспектив потребления героина, не предполагающее его субкультурную локализацию.

Более того, случайная природа выборки потребителей означает, что «зависимость» или «бывшая зависимость» не доминирует в описании потребления героина. Это важно, так как доступ к «скрытым», «экспериментирующим» и потребителям «первой стадии» очень затруднителен [Pearson, 1987. Р. 29; Parker, Bakx, Newcombe, 1988. Р. 68]. Более того, как замечает Пирсон, реконструкция первого опыта или экспериментальной манеры потребления героина из описания признавших свою зависимость и особенно бывших потребителей чрезвычайно проблематична, так как реконструированная история может обыгрывать негативный опыт поздней стадии употребления героина, когда в собственных нарративах потребителей доминирует необходимость «бросить» наркотики [Pearson, 1987. Р. 30].

В выборке трое потребителей героина, использовавших этот наркотик на момент интервью или в прошлом, представляют различные географические части России и имеют очень разные наркотические карьеры. Первый респондент, будем называть его Гришей¹, – 21-летний студент колледжа, с которым мы познакомились во время опроса, и впоследствии участвовавшие в полуструктурированном интервью и этнографической исследовательской части проекта. Гриша родился и вырос на Севере, но недавно они вместе с матерью поселились в курортной зоне Сочи (Краснодарский край)

¹ Эти три респондента называются по имени (псевдониму) и описываются через их статус в отношении потребления героина, тогда как ссылки на остальных респондентов, рассказывавших о потреблении наркотиков их друзьями, делаются с указанием их возраста, пола, места рождения и статуса в отношении потребления наркотиков, без уточнения типа веществ, как данные статусы описываются в сноске 1.

на побережье Черного моря. У него большой опыт употребления разных наркотиков – конопли, фармацевтических наркотиков (тарен, терпенкод и фенозепам) и героина. Гриша начал употреблять наркотики в 14 лет. Его героиновый дебют очень близок к тому, что описывают Паркер, Бури и Эггингтон, как проявление «жесткого завершения рекреационного потребления» [Parker, Bury, Egginton, 1998. P. V]. Опыт Гриши с героином был одноразовым, и он непреклонен в том, что не повторит его. Однако он не намерен бросить употреблять коноплю или другие «легкие» наркотики, а его нынешние друзья также употребляют различные нелегальные вещества (коноплю, таблетки, ЛСД и героин). Тем не менее он старается сократить употребление запрещенных веществ и перестать пить; он хочет бросить употреблять спиртное, потому что беспокоится о его негативном влиянии на здоровье.

Второй респондент, которого мы назовем Колей, – 18-летний студент из Тольятти (Самарская область), участвовавший в опросе и позже в полуструктурированном интервью. Он родился и вырос в этом городе и поддерживает хорошие отношения с обоими своими родителями (которые в разводе), посменно проживая то с матерью, то с отцом по взаимной договоренности. В период, когда проводилось интервью, Коля употреблял героин не ежедневно уже в течение четырех лет. Его наркотический дебют состоялся рано – хотя он не мог вспомнить, когда конкретно, и определял его где-то, когда ему было 14–15 лет, – и это был героин. Он употреблял героин с тех пор на нерегулярной основе (от одного раза в неделю до одного раза в год). Он начинал с нюхания героина¹, но в дальнейшем перешел к инъекциям. Первый раз ему предложил попробовать героин один из его ближайших друзей, и они продолжают использовать героин вместе внутри более широкой, не потребляющей героин, компании.

Оле 22 года. Она из города Чапаевска (Самарская область), который намного меньше и беднее, чем Тольятти. Оля входила в дружеское окружение одного из участников этнографического исследования в Чапаевске, и она принимала участие только в этой части проекта. Оля замужем и живет со своим мужем отдельно от обеих родительских семей. Ее героиновый дебют состоялся позже, чем

¹ Хотя нюханье героина относительно не распространено в Великобритании – здесь существует тенденция начинать потребление данного наркотика с его курения [Gossop, 2000. P. 140], оно чаще встречается в России. Возможно, это объясняется тем, что на российском рынке доминирует белый, а не коричневый, курительный, героин.

у двух других респондентов, в компании ее мужа. Ее муж начал употреблять героин после того, как его зять, недавно освободившийся из тюрьмы, предложил ему попробовать этот наркотик. Оба, Оля и ее муж, начали с курения героина, перешли на нюхание и затем на инъекции, хотя они и избегают внутривенного использования, вкалывая героин в мышцы. Оля обрисовала свою наркотическую карьеру как прогрессирующее скатывание в наркозависимость, основанное на увеличивающейся частоте приема и вовлеченности в продажу наркотиков, для того чтобы финансировать собственное потребление. Она и ее муж перестали употреблять героин после того, как это стало известно ее родителям, и они прекратили оказывать им финансовую помощь. После короткого возвращения к героину, последующему за первой попыткой бросить его употребление, она не пробовала больше героин и не употребляла его в момент, когда проводилось интервью.

«Контролируемое» употребление наркотиков

Существуют свидетельства, которые позволяют предположить, что паттерны нерегулярного, рекреационного использования опиума не только возможны, но потенциально намного более распространены, чем привычное, зависимое потребление [Pearson, 1987. Р. 43]. Предпосылкой для исследования возможности такого рекреационного потребления героина явилась работа Ли Робинсона в конце 1970-х годов, который обнаружил следующее: несмотря на то, что от 1/3 до половины американского военного персонала, проходивших службу во Вьетнаме, принимали опиум (обычно героин), и героиновая зависимость развилась примерно у половины из них, эти ветераны проявили на удивление низкую склонность к повторной зависимости после увольнения и возвращения в США [Gossop, 2000. Р. 35–36; Zinberg, 1984. Р. 12]. Это привело Нормана Зинберга к гипотезе, что социальный контекст потребления наркотиков – как противоположное к фармакологическим свойствам наркотиков самих по себе или психологическому облику индивидуального потребителя – более важен, чем представлялось до сих пор. Это привело его к изучению культурных практик потребителей героина, целью которого было понять, как нормы (ценности и правила поведения) и ритуалы (паттерны поведения), получившие развитие среди людей, нерегулярно принимающих героин, приводят к контролируемому потреблению этого наркотика [Zinberg, 1984. Р. 5].

Трудно оценить степень распространенности такого употребления героина «от случая к случаю», исходя из результатов проекта «Повседневное, но не нормальное...», так как проект имел намного более обширный круг задач, чем изучение использования героина. Однако наши данные указывают на потенциальную возможность распространенности такого потребления; всего 47 респондентов, участвовавших в опросах (N=2814), рассказали об собственном опыте употребления героина, и больше 1/4 из них сказали о потреблении его «по случаю» (21,3 % рассказали об употреблении «несколько раз в год», тогда как 4,3 % сказали об употреблении «несколько раз в месяц»). Выяснить, является ли эта практика «контролируемым потреблением» героина, как она описывается Зинбергом, можно только на основе качественных данных, свидетельствующих о специфических моделях потребления. Как показано ниже на основе таких свидетельств, среди российских потребителей героина, принятые «безопасные» практики основываются на местном знании героинового рынка и на способности самоконтроля употребления героина. Однако дополнительно к развитию правил такого безопасного потребления российские нарративы также содержат описания успешного прекращения употребления («бросания») героина, которые отчасти демонстрируют понимание практики контролирования потребления героина. Эти нарративы возможно отражают более обширное знакомство основной части российской молодежи с потребителями героина и, так как они не поддерживают репутацию героина как «одностороннего движения к смерти и разрушению». Они требуют более тщательного анализа в целях разработки профилактических мер для молодых людей, которые вращаются в тех кругах, где принимаются наркотики.

Правила игры

Согласно мнению респондентов, первое правило безопасного употребления героина – это знание того, что ты употребляешь. Это обсуждается в терминах относительной чистоты наркотика; небезопасное или проблемное употребление приписывается героину, «смешанному» с мелом, сахаром или другими наркотиками (таким как транквилизатор димедрол). По той же причине респонденты предостерегали от покупки героина «за городом», так как качество и чистота наркотиков могут быть разными, открывая возможность для потенциально смертоносной ошибки.

Второе правило заключается в том, чтобы знать свою собственную «дозу» и сопротивляться искушению превысить ее. Опасность превышения дозировки представляется особенно высокой на первых стадиях потребления до тех пор, пока новички не определяют свою оптимальную дозу:

«Ну, как бы они – кто употребляет, они знают свою дозу постоянную, кто часто употребляет – у них передозировки нет, ну, редко случается. Это вот поначалу, когда все это началось, у меня даже много знакомых, кто от передозировки умерли... умерли от передозировки, ну, где-то порядка семи человек, восьми, которых я знал, может даже больше» (17-летний юноша, регулярно употребляющий наркотики, Тольятти).

Респонденты, которые употребляли или все еще употребляют героин регулярно, также подчеркивали свое активное управление и контроль за процессом такого употребления. В последующем отрывке из интервью Оля описывает, как она не только отслеживала свою дозу, но и преодолевала соблазн смешивания героина с алкоголем:

Респондент: *Ну, как-то все в меру, в меру.*

Интервьюер: *Как вы меру-то соблюдали? Вот ты говоришь, что некоторые этого не чувствуют. А как тебе удавалось чувствовать?*

Респондент: *Просто некоторые меры не знают. Вот, как человек пьет водку, он остановиться не может. Он пьет, пьет, а потом уже все. Уходит в мир иной. Свой. Так же и с героином. Там, раз: «Что-то маловато»! Раз, еще добавляет. Потом уже... в непотребном состоянии находится. Мы спокойно могли употребить, пойти в кафешку, посидеть там, сок попить, пиво. Пиво – это максимум, что мы пили.*

Интервьюер: *Почему?*

Респондент: *И то даже, с пива плохо было. Там, во-первых, когда нюхаешь, желательнее час первый не пить... Вообще ничего не пить. Вообще лучше ничего не пить. А пить охота, и охота сладкого («Оля», 22-летняя девушка, употреблявшая героин в прошлом, Чапаевск).*

Данные свидетельства, как и выводы Зинберга, указывают на то, что кардинальным правилом среди контролирующих себя потребителей является правило «делай это умеренно» [Zinberg, 1984. P. 159]. Оля также четко осознает, что «правильное количество» значительно разнится и зависит от манеры употребления. В следующем отрывке

она предостерегает о том, что нужно быть терпеливым, когда ждешь «прихода» и определяет свои собственные границы, в смысле приемлемого для нее употребления:

«Когда в вену колешь, он быстро рассасывается, и ты практически мгновенно все это получаешь, как говорят, “приход”. Я это никогда не пробовала, не делала. В вену не колола. В мышцу надо больше, рассасывается дольше. И просто хорошее такое состояние, нормальное. Чтобы нюхать, еще больше надо. И тоже там... не сразу. Какое-то время проходит, потом начинает действовать» («Оля», 22-летняя девушка, употреблявшая героин в прошлом, Чапаевск).

Нарратив «контролируемого употребления» среди российских респондентов находится в полной зависимости, прежде всего, от способности потребителя сохранять бдительность, когда он или она движется или останавливается на своем пути к наркозависимости. Само по себе это проявляется в определяемой самими потребителями наркотиков равнозначности статуса «наркомана» и состояния «зависимости». Например, для того чтобы показать отличие между его собственным употреблением героина от «зависимости», Коля описывает, как он следит за собственным потреблением, чтобы избежать зависимости:

Респондент: *Не знаю, может как-то по случайности, потому что на это времени не было, а в дальнейшем я, ну... как-то осознавал, что к этому можно привыкнуть, поэтому сам себя контролировал.*

Интервьюер: *Как ты контролировал?*

Респондент: *Ну как... скажем, дня три подряд я поупотреблял, сам для себя говорю: «Можно привыкнуть, пожалуй, хватит, пойду лучшие пива попью», и все, никаких проблем* («Коля», 18-летний юноша, регулярно употребляющий героина, Тольятти).

Хотя Колино описание его практики употребления кажется намного менее точно сформулированным, чем правила, касающиеся частоты употребления, обнаруженные Зинбергом среди контролирующих себя потребителей опиума в США [Zinberg, 1984. P. 154], оно, тем не менее, подтверждает тот же принцип «не стать зависимым», когда зависимость определяется ссылкой на частоту потребления:

«Нет, никак это не отражается, ну, отражаться начинает, когда ты регулярно каждый день. Есть у меня такие знакомые, которые видно, что они каждый день употребляют, и видно, что, когда они употребляют им очень плохо, уже зависимость полная»

(«Коля», 18-летний юноша, регулярно употребляющий героина, Тольятти).

Гриша подтверждает такое понимание контроля и зависимости:

Респондент: *Наркоман – это который часто, очень часто употребляет...*

Интервьюер: *А как часто?*

Респондент: *Ну, если каждый день, это уже все, даже если относительно героина, даже пару раз в неделю. Ну, раз в неделю – так, начинающая ступень, в принципе. Несколько раз в неделю – это уже в принципе человек, которому предписано, но хотя еще можно выкарабкаться, если по распорядку («Гриша», 20-летний юноша, экспериментирующий с героином, Сочи).*

Рассказывая эти истории, респонденты стремились показать, что их собственное потребление – это не реакция на зависимость, а рефлексивный выбор, где «выбор» понимается как активное приобщение к их знанию о наркотиках и их эффекте. Таким образом, поведение, связанное с потреблением наркотиков, гарантирующее такой выбор, принимает в расчет знание о «вреде» и «риске для здоровья»¹. Однако из этого не следует, что это рациональный и основанный на оценке затрат-выгод анализ, как отмечено в следующем отрывке из интервью с Колей, в котором он объясняет, как и почему он решил познакомить свою девушку с потреблением героина, но как не парадоксально, убедил ее бросить курить сигареты:

Респондент: *Не, как она, как бы вам сказать, она не употребляла до знакомства со мной. Можно сказать я намеренно, ну, как бы поделиться с ней всеми теми ощущениями, я ей предложил, она согласилась, потом мы неоднократно вместе употребляли. А сейчас точно также желания нет и нет времени... я как – из хороших побуждений ей это предложил, и точно также из хороших побуждений ей это не даю, контролирую не только себя, но и ее, так скажем.*

Интервьюер: *А ты уверен, что она только с тобой может употреблять, она может еще в какой-то компании или сама?*

Респондент: *Не, я не уверен, но если, скажем, я увижу, что она употребляла без моего контроля, так скажем... в общем, этого не допустим, или чтоб это было вообще, или чтоб я это увидел...*

¹ Тем не менее Коле, колющемуся потребителю наркотиков, пришлось подсказывать, чтобы он включил в описание своей «безопасной практики» избегание использования одной и той же иглы при приеме наркотиков вместе с другими, хотя во время, когда проходило интервью, в городе шла очень активная компания, информирующая об опасности ВИЧ-инфекции.

Интервьюер: *А что будет, если ты увидишь?*

Респондент: *Ниче хорошего для нее не будет там. Уж какие меры я буду принимать – я не знаю, ну, вот, точно также я сам не курю – отучил ее, чтоб она бросила курить («Коля», 18-летний юноша, регулярно употребляющий героин, Тольятти).*

Здесь центральную роль в принятии решения играет не соотношение связанных со здоровьем затрат и выгод, а регулирование «контроля» и «выбора» в интимных отношениях. «Окружающая обстановка» является центральным элементом в выборе и принятии решений об использовании наркотиков.

«Она бросила...»: рассказы о воздержании от наркотиков

Среди российской молодежи часто повторяющимся элементом нарративов «контролируемого употребления» являются рассказы о воздержании от героина. Более того, истории о друзьях и знакомых, кто бросил и больше не употребляет героин, являются не только центральной частью в нарративах самих потребителей героина, но и распространены среди тех, кто знает потребителей наркотиков; шесть интервьюированных респондентов пересказали подробности историй их друзей и знакомых, бросивших употреблять героин.

Эти истории связывают «бросание» с появлением новых стимулов (образование или карьерные возможности) или просто потому, что у индивида есть «более важные вещи, которые нужно делать»:

Респондент: *Но многие вылечиваются, многие, очень многие.*

Интервьюер: *А почему бросают?*

Респондент: *Вот одна девочка поступила [учиться] в Питер, она бросила (16-летняя девушка, экспериментирующая с наркотиками, Воркута).*

Эти выводы являются зеркальным отражением результатов исследования, проведенного среди контролирующих употребление опиума в Великобритании в начале 1980-х годов, которые говорят о том, что люди, употреблявшие какое-то время героин на рекреационной основе, иногда принимали меры по прекращению или регулированию своего потребления наркотиков, если они чувствовали, что это ведет к зависимости, при этом приводя явно приземленные причины для такого важного решения (например, «подготовка к футбольному сезону») [Blackwell, 1983, cited in: Pearson, 1987. P. 44]. Здесь

ключевым моментом является рефлексивная способность «поймать самого себя в действии», как свидетельствует описание молодой девушкой опыта ее лучшей подруги:

Интервьюер: *А вот ты говоришь, что она уже четыре раза пробовала. А что она пробовала?*

Респондент: *Героин.*

Интервьюер: *Героин, да? Ну, как-то ты с ней уже разговаривала по этому поводу? Ты думаешь, что это ничего страшного?*

Респондент: *Она мне рассказывала, что на другой день, после того как попробовала, когда она встала, ее посетила такая мысль: «Где найти денег». А потом она подумала: «Ой, что это я».*

Интервьюер: *И что, с тех пор она больше не пробовала? Она сейчас не употребляет?*

Респондент: *Она сейчас не употребляет.*

Интервьюер: *А когда последний раз она употребляла?*

Респондент: *Ну-у уже давно, уже, наверное, лет, ну полгода назад (16-летняя девушка, регулярно употребляющая наркотики, Ухта).*

Рутинность принятия решений о героине также возникает в нарративах респондентов, которые помещают «отклоняющиеся от нормы» практики в подростковый период жизни и предполагают свободное от наркотиков будущее («когда я обоснуюсь»). Тот факт, что к употреблению героина относятся так же, как и к «составной части жизни молодых», предполагает его понимание, скорее, как одной из «нормальных» составляющих жизни молодежи, а не абсолютного состояния отклонения от нормы, из которого нет пути назад. Важная часть этой логики – демистификация ломки:

Интервьюер: *А вот среди твоих знакомых были те, кто регулярно употреблял, а потом у него получалось бросить?*

Респондент: *Да, это не так сложно на самом деле, как говорят. Не знаю, может там где-нибудь в Москве или в Петербурге, там другого качества... наркотики, и от них сложнее отвыкнуть. Здесь это так просто, чувствуешь, что скатываешься – завязываешь, потерпишь пару дней, все нормально («Коля», 18-летний юноша, регулярно употребляющий героин, Тольятти).*

Характерной чертой этого дискурса является важность «силы воли» и целеустремленности для того, чтобы бросить наркотики. Те, кто имели такой опыт или были свидетелями того, как их друзья проходили через это, часто обращаются к важности употребления алкоголя или конопли при совершении такого перехода:

«Как? Перетерпеть. Если есть сила воли, можно перетерпеть. Или, допустим, так же, вместо того, чтобы употреблять героин, покупает анашу, накуривается. Проходит время, потом уже даже не тянет» («Оля», 22-летняя девушка, употреблявшая героин в прошлом, Чапаевск).

Хотя это описание отхода от героина может оказаться лишь красивой сказкой, Пирсон замечает, что те, кто проходил через ломку, говорят об испытываемом дискомфорте как о реальном, но который не страшнее, чем сильный грипп, сопровождающийся невыносимым желанием наркотиков; худшее позади уже через три-четыре дня и не так волнует, как длительная последующая борьба за то, чтобы окончательно «завязать» с героином [Pearson, 1987. Р. 150]. Более того, героиновая зависимость не ассоциируется напрямую с заболеваниями определенных органов (как, например, курение сигарет или алкогольная зависимость); высокий уровень смертности среди конкретных групп наркоманов объясняется косвенными рисками при употреблении героина (возможная передозировка, риск инфекции после внутривенного укола) [Young, 1971. Р. 30]. Демифологизация «ломки» действительно важна; существует опасность, что ложная вера в то, что кому-то необходимо принимать героин для того, чтобы избежать «непереносимую» болезненную ломку, может стать самоудовлетворяющим внушением, ведущим к неотвратимой зависимости [Pearson, 1987. Р. 40]. Так, нет реальной причины, почему бывший потребитель героина не может «прийти в порядок» и вернуться к вполне «нормальной» жизни, такой, как описывает Гриша:

«Да, у меня есть очень хорошая подруга, она, правда, живет в Таганроге, мы с ней очень хорошо дружим, которая в принципе раньше хорошо сидела на игле. Уже вызывала опасения у родственников, друзей. Но ничего в принципе поделать с этим не могла. Сейчас, насколько я знаю, она как бы справилась. И сейчас как у нее все нормально» («Гриша», 20-летний юноша, экспериментирующий с героином, Сочи).

Эти нарративы имеют много общего с опытом, артикулированным потребителями героина в гораздо более обширном исследовании контролирующих себя потребителей опиума, проведенном Зинбергом. Кроме всего прочего, нарративы контроля и воздержания, артикулируемые российскими респондентами, демонстрируют четкую границу между свойствами физической зависимости от героина

и поработанным сознанием, которое характеризует наркозависимых. Как и у респондентов Зинберга, страх потребителей наркотиков связан не столько с физической зависимостью, сколько с переходом к образу жизни наркоманов [Zinberg, 1984. P. 131]. Таким образом, респонденты сознательно отделяют свое собственное (и своих друзей) потребление наркотиков от психологической предрасположенности и образа жизни наркоманов. Так, 16-летняя девушка из Воркуты, которую мы цитировали ранее, считает потребление героина ее другом «нормальным», «потому что ему не плохо» (то есть он «не наркоман»). Однако российские респонденты артикулируют слабее и с меньшей спецификой санкции, которые используются для того, чтобы ограничить частоту, влияние потребления наркотиков и ритуалы, которые гарантируют принятие безопасной дозы. Хотя причиной этого, хотя бы отчасти, является небольшой объем в исследовании выборки респондентов с опытом контролируемого потребления героина, тем не менее данный факт заставил нас осознать опасность сведения к одному знаменателю рефлексивности и решений, принятых на основе оценки плюсов и минусов. Российские нарративы демонстрируют, что выбор и решение о потреблении незаконных наркотиков делаются таким образом, что в них наркотики рутинно ставятся в один ряд с другими интересами, деятельностью и отношениями. Тем не менее ясно, что сделанный выбор в пользу экстремальных ощущений, удовольствия и риска, с рациональным анализом оценки риска и соотношения затрат и выгоды, играет лишь ограниченную роль.

«Расслабляясь»: социальная сторона потребления героина

Потребители героина рассматривают этот наркотик как приносящий удовольствие. Удовольствие, связанное с ним, не является чисто физическим, но имеет сильную социальную окраску. Героин, по утверждению его потребителей, «по-настоящему хороший социальный наркотик» [Zinberg, 1984. P. 126]. Удовольствие от потребления героина, как оно описывается респондентами, состоит из комбинации эффекта непосредственного физического расслабления (испытываемого как более или менее сильный «приход», зависящий от типа потребления), который превращается в продолжительное чувство психологического благополучия [Zinberg, 1984. P. 121; Pearson, 1987. P. 25]. Действительно, тот факт, что героин не имеет драматического или меняющего сознания эффекта, является одной из его привлекательных характеристик, как это выражено ниже Олей:

«...я первый раз, я и потом его курила. [Пауза] Курила там, но не такие сильные там ощущения, чтобы «вау!». Там просто расслабляешься, мир какой-то другой становится... От героина такого не было, чтобы там какие-то галлюцинации. Нет, просто умиротворение... просто. Такое умиротворенное состояние, тебе все хорошо. Тебе самому... Мир цветет и все такое. Когда, кстати, зависимость появляется или пытаешься бросить, мир становится серым. Все!» («Оля», 22-летняя девушка, употреблявшая героин в прошлом, Чапаевск).

В Колиной компании потребление героина упоминается метафорически как «расслабление»¹, что обозначает употребление героина не как обремененное риском занятие или основную цель в жизни (где достать следующую дозу), но как одну из многих возможностей досуга:

Интервьюер: *А ты сказал, что первый раз, когда согласился, у тебя было плохое очень настроение, да?*

Респондент: *Да.*

Интервьюер: *А потом сказал, что сейчас предлагают расслабиться, а сейчас для тебя это что, когда у тебя плохое настроение, чувствуется, что как-то помогать надо?*

Респондент: *Необязательно, что плохое настроение, вполне может быть, что нечем заняться, денег мало на дорогие развлечения – на бильярд там, на ночной клуб не хватает, скажем, пить надоело, вполне можно расслабиться* («Коля», 18-летний юноша, регулярно употребляющий героин, Тольятти).

Таким образом, основной ассоциацией потребления героина является «расслабление», где потребление наркотика ассоциируется с определенной группой близких друзей или приятным временем года². Первоначальные сильные ощущения («приход») проходят достаточно быстро, позволяя продолжать повседневные занятия, которые просто усиливаются эффектом от наркотиков:

«Если наркоманы, когда колются, или по вене его пускают, там – да, там такой, как они говорят, «приход». По человеку видно. Вот он сидит, все, зависит. А мы когда – нормально.

¹ Среди респондентов Зинберга, те, кто потребляют героин по выходным («chippers»), также упоминают значимость силы героина для «расслабления» [Zinberg, 1984. P. 115–116].

² Это подтверждается также исследованием Лаландера, в котором описывается потребитель наркотиков, контролирующий свое потребление героина: он курит героин приблизительно раз в месяц, когда он встречается с особой группой своих друзей в городе, где он раньше жил [Lalander, 2003. P. 38].

Я даже когда... Дома постоянно сидели. Там, раз, «дорожку» сделали, занюхали. У меня дела спорились, я там бегала, что-то делала. По-моему, не заметно. То ли у меня глаза темные...» («Оля», 22-летняя девушка, употреблявшая героин в прошлом, Чапаевск).

Данное описание «нормальности» подтверждается исследованием потребителей героина, проведенного Лаландером в Норрчёпинге (Швеция), для них курение героина является одним из элементов регулярной социальной практики встречи с друзьями, выпивания, разговоров и совместного времяпрепровождения [Lalander, 2003. Р. 39]. Действительно, респонденты Лаландера описывают потребителей как «обыкновенных» людей, которые могут идти по городу незамеченными, растворяясь в толпе, даже после принятия наркотика [Ibid]. «Нормальность» потребления героина еще больше усиливается тем фактом, что оно происходит в домашних условиях и описывается как личное домашнее занятие, в котором героин потребляется компанией друзей, когда они сидят на диване и смотрят фильм: «Телевизор является центральным элементом почти во всех историях о коллективном курении героина (basing). Во многих компаниях, готовясь к потреблению героина, покупались конфеты, лимонад и, среди прочего, героин. Часто также брались в прокат видеофильмы. Формула “телевизор + диван + конфеты + лимонад” ведет к ассоциациям с нормальным вечером у телевизора... символом интимности и семейной жизни» [Ibid. Р. 52].

Эта семейная атмосфера вокруг потребления героина также выражена в Олином описании ежедневных визитов зятя ее мужа, приносившего героин, который они вместе потребляли. Потребление героина является не скрываемым, субкультурным занятием, но частью повседневной домашней рутины, которая укладывается в череду других повседневных обязанностей. Гриша тоже описывает свой единичный опыт потребления героина как нечто ассоциируемое с людьми, близкими ему, в данном случае с его одноклассниками. Это неудивительно, так как стандартным ответом потребителей на вопрос, как они впервые познакомились с наркотиками, является – «в компании» [Pearson, 1987. Р. 11]. Классическим примером является потребление героина Колей, начавшееся в результате повторяющихся предложений попробовать героин, исходивших от членов его компании:

Респондент: *Ну, это было не один раз, но каждый раз примерно одинаково, это все время был кто-то из моих знакомых, все время предлагал расслабиться, ну я-то знаю, чем он предлагает расслабиться, и поэтому сразу сказал, что на меня не рассчитывай. Ну, он говорит, расслабимся за компанию со мной, просто, я поэтому сразу говорю: «На меня не рассчитывай».*

Интервьюер: *А что он тебе предлагал?*

Респондент: *Героин. Героина сейчас больше всего у нас («Коля», 18-летний юноша, регулярно употребляющий героин, Тольятти).*

Зинберг отмечает важность сильной взаимопривязанности, ассоциируемой с социальным потреблением опиумных наркотиков, для контролирующих себя потребителей, так как эти связи свидетельствуют о том, что потребление героина не мешает им поддерживать обширный круг социальных взаимоотношений [Zinberg, 1984. P. 127–128]. Эта привязанность поддерживается представлением о том, что потребление героина дает индивидууму свободу для интимного разговора [Lalander, 2003. P. 47]¹. Однако литература по проблемным потребителям героина указывает на то, что данные социальные связи разрушаются по мере того, как возрастает потребление героина. Пирсон утверждает, что привычное потребление ведет к растущей социальной изоляции и потере дружбы, так же как и интереса к семье, друзьям и прежним формам досуга [Pearson, 1987]. «Дружба» превращается не более чем в контакты, полезные для процесса добывания наркотиков [Parker, Bakx, Newcombe, 1988]. Лаландер предлагает более экономическое объяснение неизбежного разрыва дружбы, так как зависимость потребителей героина ведет их к потреблению все возрастающей дозы наркотиков, которую они покупают. Для того чтобы поддерживать свою привычку, они вынуждены отбросить неформальную систему правил, которая обычно регулирует взаимоотношения внутри субкультуры. Это, наряду с переходом от курения к инъекциям (и, как следствие, уходом от социальной практики «делиться фольгой») и с возрастающей тенденцией оставаться в помещении (из-за страха быть остановленными полицией или наткнуться на кого-то, кому они должны), ведет к растущей социальной изоляции потребителей героина [Lalander, 2003. P. 65–67].

¹ Такая связь, однако, часто сопровождается страхом того, что о потреблении наркотиков узнают те, кто наркотики не принимает [Zinberg, 1984. P. 129], об этом также говорят российские респонденты.

Героиновые жизни или жизнь с героином?

Проект «Повседневное, но не нормальное...» не предоставляет убедительных свидетельств, которые бы подтверждали или опровергали неизбежность социальной траектории, превращающей потребление наркотиков из социальной связи в источник зависти и конфликта. Действительно, еще нужно проверить, является ли нынешнее потребление наркотиков Колей прелюдией к наркотической зависимости привычного (ежедневного) потребления, описываемого как конечная точка в исследовании Лаландера, или же оно является частью продолжительного контролируемого потребления, как оно представлено Зинбергом. Однако уже сами различия опытов потребления героина этими тремя респондентами ставят под сомнение то, что потребление героина всегда происходит в «субкультурной среде», как это утверждает Лаландер [Lalander, 2003. Р. 31]. Об этом свидетельствуют сохранение респондентами не противоречащих закону принятых в обществе ценностей, наряду с их экспериментированием или потреблением героина, а также стремление поддерживать тесные отношения с семьей и сверстниками.

В нарративах всех трех респондентов, потребляющих героин, социально одобряемые занятия – образование, работа, семья, взаимоотношения – остаются центральными и относительно более важными, чем занятия, связанные с потреблением наркотиков. Коля, в частности, совмещает свое потребление героина с интенсивной и успешной работой, обучением и личной жизнью: он очно обучается в вузе, подрабатывает, и у него есть девушка. Артикулируемые Колей высокие ожидания от жизни полностью укладываются в социальные ценности мейнстрима: хорошее образование, хорошая работа и материально обеспеченное будущее. Таким образом, потребление героина и социальный успех – не взаимоисключаемые вещи в его сознании, более того, он не видит никакой необходимости в изменении своего образа жизни:

Интервьюер: *И не хочешь как-то отказаться?*

Респондент: *Был бы стимул отказаться, там допустим, более какое-нибудь лучшее развлечение, тогда можно.*

Интервьюер: *А учеба – это не стимул, чтобы отказаться?*

Респондент: *Ну, одно другому не мешает.*

Интервьюер: *А что могло быть стимулом, какое лучшее развлечение?*

Респондент: *Ну не знаю, мне даже представить трудно, так если подумать, ну скажем, автомобиль – в нетрезвом состоянии за него не сядешь. Так вот и получится («Коля», 18-летний юноша, регулярно употребляющий героин, Тольятти).*

Итак, как и «контролирующие себя потребители наркотиков» Зинберга, Коля не ставит героин на первое место среди занятий, которые он считает важными, но он выбирает потребление наркотиков, в то же время осознавая внешние обязательства, связанные с работой и необходимостью зарабатывать на жизнь. И в действительности он осознанно стремится к материальным ценностям и статусу, связанными с этими обязательствами [Zinberg, 1984. P. 155–160].

Хотя Гришин опыт в получении образования был гораздо менее последовательным, чем у Коли, у него остается сильная мотивация на достижение социального успеха. После окончания школы он несколько раз неудачно пытался поступить в престижные учебные заведения, за каждой такой попыткой следовали периоды трудоустройства. Гриша упоминал в своем интервью, что после того, как его принимали в менее престижные институты, его оттуда дважды исключали за непосещаемость и конфликты с преподавателями, пока он наконец-то не перешел на заочную форму обучения (в области компьютерных технологий) в колледже, совмещая свою учебу с работой. В этот момент его образование вновь оказалось прерванным, когда он переехал со своей матерью из российского Крайнего Севера на побережье Черного моря. Однако данный переезд упоминается Гришей не как помеха, а как новая возможность. В Сочи он вновь успешно поступил в вуз, и во время интервью у него уже сложился широкий и разнообразный круг друзей, и он также подыскивал себе возможность подработать. Гришину наркотическую карьеру, как и его образование после окончания школы, можно рассматривать как поиск лучшего из имеющегося и как желание совершать и одновременно исправлять ошибки в ходе своей жизни. Он перешел от тяжелого рекреационного употребления наркотиков к экспериментам с героином, которые он описывает как поведение «*в исследовательских целях, просто хотелось попробовать*». Однако эти эксперименты являются для Гриши своеобразным демаркированием собственных границ незаконного поведения. Его эксперименты с героином включают в себя страх неодобрения со стороны окружающих, что и приводит

его к осознанию четкого предела своего потребления наркотиков в будущем:

Респондент: *Ну ощущения легкости, отрешенности, ничто тебя не тревожит. Но мне оно не понравилось, скажу честно, и даже я потом жалел, что его попробовал, потому что на следующий день, но об это мало народу, об этом знало несколько человек, но когда я шел по улице, там на занятия, мне все время казалось, что на меня смотрят с пренебрежением. И так про себя думают, вот, он сделал это, он попробовал героин. Я несколько дней ходил с таким чувством тяжести.*

Интервьюер: *С чувством вины?*

Респондент: *Да, с чувством вины, тяжести («Гриша», 20-летний юноша, экспериментирующий с героином, Сочи).*

Он продолжает приписывать данное чувство вины поддержанию «принципов в жизни». Таким образом, невзирая на очевидно хаотическую траекторию жизни, Гришино предпочтение одобряемых в обществе ценностей, а не «субкультуры», остается неизменным, и, в действительности, еще больше укрепляется теми выборами (и ошибками), которые он делает, стремясь к данным ценностям. Что поражает в нарративах обоих, Коли и Гриши, так это направленность и порядок, которые они стремятся более или менее успешно придать своим жизням. Это резко отличается от бесцельности и отсутствия планирования, характеризующих «дрейфующую» ментальность, которую описывает Лаландер как основание субкультуры потребителей героина в Норрщёпинге [Lalander, 2003. Р. 18].

Эти российские респонденты не только не исповедуют субкультурные ценности, они живут одобряемой обществом жизнью. В этом смысле они не укладываются в образ потребителей героина, как одиноких индивидов, вынужденных «скупиваться в маленькие изолированные группы... неустойчивые и ориентированные на наркотики» [Zinberg, 1984. Р. 153]. В частности, Коля делает упор на прочность и многообразие круга его дружеского общения¹, так же как и на особый авторитет как студента среди части его друзей. Более того, Коля убежден, что его потребление наркотиков – это не то, что нужно делать тайно или за счет его нормальной социальной жиз-

¹ Однако утверждение Коли, что у него сохраняются связи с разнообразными дружескими компаниями, отчасти, мотивировано его рефлексивностью; потеря друзей является внешним признаком становления наркоманом (статус «зависимости»).

ни. Он не принадлежит к субкультуре потребителей героина, но принимает наркотики вместе со своим другом внутри более обширной группы лиц, не потребляющих героин, относящихся к ним толерантно:

Интервьюер: *А вот этот героин ты сам покупал не в первый раз, а в следующий?*

Респондент: *Было такое, что я и сам покупал, вот, ну было, что и друзей просил об этом.*

Интервьюер: *А всегда в компании или с каким-то другом?*

Респондент: *С каким-то другом, один никогда, а с другом, почти все время с одним и тем же.*

Интервьюер: *А почему именно с ним, только потому, что он употребляет?*

Респондент: *Нет, ну потому что другие друзья из этой компании, они... все как-то, в том-то и дело, что они не употребляют, то есть я употреблял с тем человеком, который мне предложил это в первый раз и который на это в дальнейшем всегда согласен был.*

Интервьюер: *А те твои друзья, они как-то осуждают это?*

Респондент: *Нет, они прекрасно об этом знают, безразлично им.*

Интервьюер: *А как ты почувствовал, отношение к тебе в компании как-то поменялось?*

Респондент: *Не изменилось, нисколько («Коля», 18-летний юноша, регулярно употребляющий героин, Тольятти).*

Колино утверждение поддерживается некоторыми данными об отношении к потребителям наркотиков, собранными в ходе проекта «Повседневное, но не нормальное...». Данные опроса показывают, что дружеские компании, включающие активных потребителей наркотиков, имеют высокий уровень терпимости к употреблению наркотиков в группе. Для 80 % респондентов, чьи друзья употребляют наркотики хотя бы раз в неделю, знание того, что кто-либо из их знакомых начал курить коноплю, ни в коей мере не повлияло бы на их отношение к этому человеку. Около 20 % таких респондентов проявили бы терпимость, узнав, что кто-то стал потреблять героин. Хотя, действительно, отношение к героину гораздо менее терпимое среди респондентов в целом. Необходимо отметить, что доминирующее негативное отношение к потреблению героина не ведет к полной изоляции потребителей данного наркотика. Почти 30 % респондентов не прервали бы отношения с друзьями, которые начали употреблять героин (см. рис. 1).

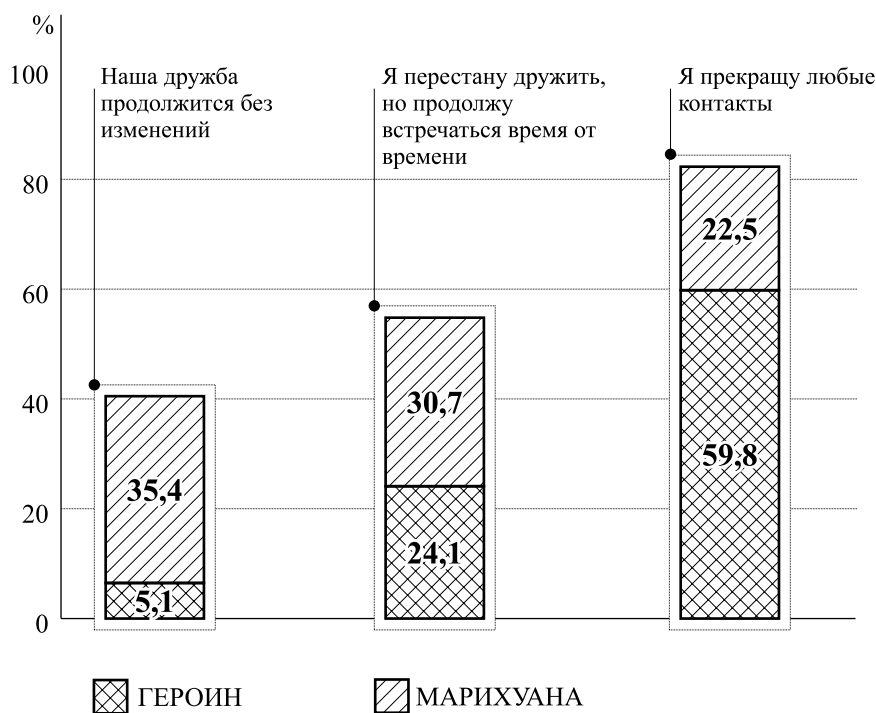

Рис. 1. Что вы станете делать, если кто-то из ваших друзей или знакомых начнет пользоваться..?

Хотя нельзя однозначно говорить о том, что героин уже стал, подобно другим «рекреационным наркотикам», наиболее распространенным среди молодежи, в некоторых ситуациях молодые люди научились смиряться с потреблением героина их сверстниками. В Республике Коми, где 37 % респондентов стали бы продолжать отношения с друзьями, потребляющими героин, опыт дружбы с потребителями героина приводит к определенному принятию данного наркотика:

«Хотя вот есть знакомый друг, он уже два года на героине, нюхает. Мы все как-то привыкли, для нас это уже нормально, ну, нормально. Для нас это нормально, потому что ему не плохо... Видишь, что ему хорошо и не помогаешь. Может это и плохо? Я не знаю. Но ему уже не поможешь. Ему это нравится» (16-летняя девушка, регулярно употребляющая героин, Воркута).

Сам факт возникновения у респондента вопроса о собственной толерантности к потреблению героина – «Может это и плохо?» – яв-

ляется классической иллюстрацией того, что молодые потребители наркотиков не подписываются полностью под противозаконными субкультурными ценностями, а, как утверждают Шайнер и Ньюберн, продолжают поддерживать нормы большинства и ценности о вредоносной природе наркомании, в то же время прибегая к техникам нейтрализации, позволяющим им быть задействованными в том, что принято считать «девиантным» занятием [Shiner, Newburn, 1997. P. 524–526].

Олино сползание в героиновую зависимость также не содержит нарративной структуры растущей социальной изоляции¹. Хотя Оля дает понять, что все большая часть ее жизни посвящена потреблению героина, ее рассказ о соскальзывании в наркозависимость и выход из нее демонстрируют, что оба эти опыта она близко разделяла со своим мужем:

Респондент: *...полгода мы, наверное, так вот, раза два-три в неделю. Потом чаще. Потом каждый день. Потом на это денег все больше и больше уходило. Потом начали постоянно колоть в мышцы. А месяца через два мы уже все, в зависимости... И потом просто нас лишили нашего обеспечения. Просто узнали об этом...*

Интервьюер: *Родители, в смысле?*

Респондент: *Да. Оставили без денег. У нас друг Бабай был. Мы не спали, наверное, недели две («Оля», 22-летняя девушка, употреблявшая героин в прошлом, Чапаевск).*

Более того, отказ от героина – это результат сохранения еще одной сети социальных связей, а именно, с родителями. Хотя история Оли не демонстрирует особой благодарности родителям за то, что они заставили ее с мужем начать борьбу с данной проблемой, их присутствие, вовлеченность и влияние занимают явно центральное место в истории отказа от наркотиков.

Представленные выше нарративы трех респондентов, все из которых лично потребляли или экспериментировали с героином, подтверждают предположение о размытости границ между рекреационным и проблемным потреблением наркотиков; где героин легко доступен, с ним экспериментируют, его употребляют время от времени, и его потребление становится привычным. Такие различные

¹ Трудно говорить об Олиных ожиданиях и ценностях, так как она оказалась вовлечена в исследование после беседы, которую вели с ее более молодыми друзьями. То есть, она не присутствовала в начале интервью, когда респондентов спрашивали отдельно о семье, школе, друзьях, о том, как они проводят свободное время, и в целом о том, чего бы они хотели достичь в жизни.

опыты употребления героина также поддерживают утверждение, что героин является субъектом тех же самых решений и выборов, которые молодые люди принимают повседневно в отношении употребления других законных и незаконных веществ. Хотя из-за небольшого размера выборки потребителей героина в исследовании «Повседневное, но не нормальное...» невозможно рассчитать, насколько распространено контролируемое потребление героина среди российской молодежи, на основе приведенных здесь опытов респондентов можно сделать два вывода. Во-первых, потребление и экспериментирование с героином нельзя понимать лишь как физическую зависимость. Все три респондента в нашем исследовании осознавали и действовали в отношении потребления героина с целью осуществить «контроль» над наркотиком. Во-вторых, люди, потребляющие и экспериментирующие с героином, не обязательно социально маргинальны, исключены или оторваны от общества. Далекие от того, чтобы быть «конченными» людьми, напичканными доминирующими и ненаркотическими молодежными дискурсами, все три респондента, обсуждавшиеся выше, охвачены надежной семейной и дружеской сетью и/или включены в социальные институты мейнстрима (образование, трудоустройство). Поэтому потребление героина не оказалось в центре их жизни, что потребовало бы ухода в субкультуру, населенную подобными им. Как раз наоборот, все три респондента в ответственные моменты отодвинули героин на задний план (или отказались от него полностью) в интересах поддержания более важных занятий или отношений (желания родителей, ожидания от образования или социальное одобрение). Безопасное или небезопасное, но «контролируемое» потребление героина – обычно или даже возможно, поэтому данные нарративы подтверждают аргумент Зинберга, что не наркотик как таковой, но социальная установка является центральным дифференцирующим фактором между хаотической или «проблемной» наркоманией и таким потреблением наркотиков, которое воспринимается как «нормальное» [Zinberg, 1984. P. 5].

Заключение

Проект «Повседневное, но не нормальное...» был разработан таким образом, чтобы исследовать потенциал межкультурной применимости «тезиса о нормализации». В качестве гипотезы высказывалось

предположение, что в условиях позднего модерна исследуемая в России городская молодежная среда будет генерировать данные о распространенности наркотиков, которые были бы по большей части соотносимы с данными, полученными в Великобритании, на основе которых и строится «тезис о нормализации». Также ожидалось, что постсоциалистический контекст, характеризующийся высокой долей населения, живущего за чертой бедности, жестким карательным официальным дискурсом запрещения наркотиков, зачаточной потребительской культурой молодежи и легкой доступностью относительно дешевого героина, будет ограничивать применимость предложенной Паркером и другими исследователями интерпретации данной распространенности как показателя «нормализации» рекреативного потребления наркотиков. Однако мнение о том, что не только «рекреативное» потребление наркотиков, но и прием героина стал «нормальным» для некоторых молодых людей в России, как это заметила воркутинская респондентка, чьими словами начинается данная статья, стало неожиданным вызовом, возникшим в ходе проекта, причем таким вызовом, который требует переосмысления отношений между «рекреационным» и «проблемным» потреблением наркотиков, как оно закреплено в «тезисе о нормализации».

Данные, представленные здесь, указывают на то, что люди, потребляющие и экспериментирующие с героином, говорят о своем потреблении наркотиков в терминах повседневных практик выбора, контроля и управления, как бы приближаясь к тому, чтобы поместить героин в спектр наркотиков для «рекреационного потребления». Таким образом, несколько ключевых принципов «тезиса о нормализации», особенно те, которые связаны с доступностью наркотиков и экспериментами с ними, оказываются применимы к потреблению героина, так же как и конопли, в российском контексте. Данные, полученные в ходе проекта, подтверждают значительную размытость границы между рекреационным и проблемным потреблением наркотиков, выявленную в Великобритании в результате исследования «новых героиновых вспышек» и последующей критики «тезиса о нормализации». Отсюда логически следует вопрос: «Не будет ли более приемлемым включение потребления героина в “тезис о нормализации”, нежели его полное исключение?».

Проблема, которая возникает здесь, такова, что большая открытость и использование наркотиков не свидетельствуют об их «нормализации», и в лучшем случае данные проекта «Повседневное, но

не нормальное...» лишь отчасти укладываются в другие критерии «тезиса о нормализации». Например, согласно следующим критериям, таким как потребление наркотиков, информированность в отношении наркотиков и наличие будущих намерений, российские данные подтверждают устойчивое, фактическое, драматическое увеличение числа молодых людей, использующих незаконные наркотики, включая героин. Однако результаты исследовательского проекта также ставят под вопрос и то, в какой степени эти решения являются информационно наполненными решениями, опирающимися на расчеты плюсов и минусов, как это предполагалось Паркером и другими. Контакты с наркотиками в большинстве случаев локализируются в дружеских и семейных кругах, и результаты проекта указывают на то, что относительная значимость индивидуальных, основывающихся на информации «выборов», а также социально и культурно укоренившихся практик нуждается в значительной подгонке, чтобы сделать «тезис о нормализации» способным объяснить решения молодых россиян принимать или не принимать наркотики. Действительно, групповой контекст принятия решений о наркотиках является центральным как для понимания базирующихся на опыте выборах молодых людей (быть «информированными в отношении наркотиков»), так и их «будущих планов» относительно потребления наркотиков.

Второй вывод, который лишь частично подходит под критерии «тезиса о нормализации», касается степени «культурного принятия» нелегальных наркотиков, наблюдаемого среди российской молодежи. Хотя в социальном и культурном контекстах, где героин явно доступен, примеры потребления героина предполагают значительное размытие границ между «рекреационным» и «проблемным» употреблением героина, по-прежнему сильно отличается отношение к этим наркотикам. Данные проекта «Повседневное, но не нормальное...» предполагают, что, в основном, молодые россияне продолжают широко опираться на тропы доминирующего дискурса, запрещающего потребление наркотиков и, в особенности, потребление героина как асоциального, субкультурного и криминализованного явления¹. Там, где молодые люди ежедневно встречаются с наркотиками внутри группы своих друзей, они демонстрируют более сложный и диффе-

¹ Статья Елены Омельченко [Omel'chenko, 2006] показывает, как сильно опирается на доминирующие антинаркотические дискурсы молодежь, не принимающая наркотики, но также важно отметить, что даже те молодые люди, которые принимают или осведомлены о наркотиках, могут говорить о наркотиках крайне негативно, в то же время демонстрируя терпимость или принимая потребление наркотиков в своей культурной практике.

ренцирующий подход. Они заявляют о высоком уровне толерантности по отношению к потреблению конопли, хотя редко распространяют такую степень толерантности к потреблению героина (или других инъекционных наркотиков). Тем не менее существует свидетельство того, что весомое меньшинство продолжает поддерживать дружбу и знакомство с теми, кто начал потреблять героин. Таким образом, можно сказать, что согласно критерию «культурного принятия» «тезис о нормализации» частично применим. Несмотря на то, что потребление героина остается широко осуждаемым, в некоторых местах оно тем не менее составляет часть повседневного культурного окружения, и потребители героина не загнаны в субкультурную изоляцию и социальную исключенность.

Таким образом, обращаясь к теоретическим последствиям неожиданной убежденности респондентов в том, что для них потребление героина «нормально», недостаточно одной лишь концептуальной «натяжки», то есть применения «тезиса о нормализации» с тем, чтобы включить героин в качестве рекреационного наркотика в тех контекстах, где ему отдается большее предпочтение. В то же время российские данные указывают на другое направление, укладываясь в альтернативные концепции «нового» потребления героина, разработанные на основе более целенаправленных исследований потребителей героина. В частности, общепринятая идея субкультуризации потребления героина входит в противоречие со свидетельствами сохранения социальных связей потребителями героина как через формальное включение в ключевые социальные институты (например, семья и образование), так и через поддержание круга разнообразных и разноплановых дружеских контактов. Более того, резко контрастируя с исследованием Лаландера [Lalander, 2003. P. 109], проектом «Повседневное, но не нормальное...» было выявлено свидетельство того, что группы сверстников являются ресурсом, поощряющим принятие молодыми людьми решений контролировать и отказываться от потребления наркотика, а также тем ресурсом, который накладывает культурные ограничения на принятие таких решений. В этом отношении выводы данного проекта выходят за теоретические рамки, установленные МакДональдом и Маршем для концептуализации отношений между рекреационным и проблемным употреблением наркотиков, рамок, которые основаны на понимании индивидуальных наркотических карьер как совокупности различных форм социального исключения. Выводы проекта

«Повседневное, но не нормальное...» подтверждают высокий уровень потребления героина среди сообществ, испытывающих тяжелые последствия деиндустриализации, безработицы или рабочей бедности и плохих жилищных условий, но данные выводы также демонстрируют, что молодые потребители наркотиков, включая тех, кто регулярно потребляет и экспериментирует с героином, описывают свою жизнь в терминах множественной социальной вовлеченности в местные сообщества, а не исключения из них. Таким образом, несмотря на абсолютно верные утверждения Пирсона о том, что обязательным условием для успешного решения проблемы резкого роста потребления героина является доступ к удовлетворительному трудоустройству и жилищным условиям, вокруг которых молодежь может создавать и поддерживать устойчивые модели отдыха, дружбы и родственных отношений [Pearson, 1987. Р. 190], данные проекта «Повседневное, но не нормальное...» предостерегают от отбрасывания существующих отношений как части проблемы. Напротив, в данной статье утверждается, что друзья и семья играют центральную роль как в практиках потребления героина, так и в решениях молодых людей отказаться от наркотиков или контролировать свое потребление. Так, даже наиболее «будничные» рассказы о потреблении героина содержат мощный мотив успешного отказа от наркотиков, что указывает на социальную и культурную укорененность респондентов в обществе. Неиспользование героина остается самым распространенным выбором молодых людей в России, и для тех, кто экспериментируют и регулярно потребляют героин, обмен опытом отказа от наркотиков также является «повседневностью». Признание того, что социально одобряемые нормы поддерживаются среди групп, которые дискурсивно определяются как «исключенные», становится, таким образом, главным условием для понимания того размытого перехода от рекреационного к «проблемному» потреблению наркотиков, который не объясним «тезисом о нормализации». Здесь также заложена возможность понимания того, как молодежь сопротивляется «нормализации» этого перехода.

Список литературы

Арефьев А. Поколение, которое теряет Россия // Демоскоп Weekly. 2002. Вып. 91–92. С. 2–15 // <http://demoscope.ru/weekly/2002/091/tema01.php>.

Геро-ин нашего времени / Под ред. Е. Омельченко. Ульяновск: Изд-во Ульян. ун-та, 2000.

Гончарова Н., Доброштан О., Лукьянова Е., Костерина И., Омельченко Е., Пилкингтон Х. Нормальная молодежь: пиво, тусовка, наркотики. Ульяновск: Изд-во Ульян. ун-та, 2005.

Подростки и наркотики / Под ред. Е. Омельченко. Ульяновск: Изд-во Ульян. ун-та, 1999.

Стожарова А. В. Наркомания и регион. Надым: Чароид, 2003.

Aust R., Sharp C., Goulden C. Prevalence of drug use: key findings from the 2001/2002. British Crime Survey. Findings № 182. London: Home Office, Research, Development and Statistics Directorate. 2002 // <http://www.homeoffice.gov.uk/rds/pdfs2/r182.pdf>. 2 July 2003.

Blackman Sh. Chilling Out: The Politics of Substance Consumption, Youth and Drug Policy. Maidenhead: Open University Press, 2004.

Bless R., Kemmesies U., Diemel S. 3rd Multi-city study. Drug use trends in 42 European cities in the 1990s' Report of the Co-operation Group to Combat Drug Abuse and Illicit Trafficking in Drugs. Pompidou Group // http://www.coe.int/T/E/Social_Cohesion/pompidou_group/5.Publications/List_of_publications/mc3-2.pdf. 8 Nov. 2002.

Gossop M. Living with Drugs. 5th Edition. Aldershot: Ashgate, 2000.

Johnston L., MacDonald R., Mason P., Ridley L., Webster C. Snakes and Ladders: Young People, Transitions and Social Exclusion. Bristol: Policy Press, 2000.

Kramer J. Drug abuse in Russia: Emerging Pandemic or Overhyped Diversion? // Problems of Post-Communism. 2003. Vol. 50. № 6. P. 12–27 // http://www.interfax.ru/e/B/0/28.html?id_issue=10724258.

Lalander Ph. Hooked on Heroin: Drugs and Drifters in a Globalized World. Oxford; New York: Berg, 2003.

MacDonald R., Marsh J. Crossing the Rubicon: Youth Transitions, Poverty, Drugs and Social Exclusion // International Journal of Drug Policy. 2002. № 13. P. 27–38.

McElrath K., McEvoy K. Heroin as evil: ecstasy users' perceptions about heroin // Drugs: Education, Prevention and Policy. 2001. Vol. 8. № 2. P. 177–189.

Measham F., Aldridge J., Parker H. Dancing on Drugs: Risk, Health and Hedonism in the British Club Scene. London: Free Association Books, 2001.

Measham F., Newcombe R., Parker H. The normalization of recreational drug use amongst young people in North-West England // British Journal of Sociology. 1994. Vol. 45. № 2. P. 287–312.

Omel'chenko E. «You can tell by the way they talk»: Analysing the drugs vocabulary of young people in Russia' // Journal of Communist Studies and Transition Politics. 2006. Vol. 22. № 1. P. 54–72.

Paoli L. The development of an illegal market. Drug consumption and trade in post-Soviet Russia // British Journal of Criminology. 2002. Vol. 42. P. 21–39.

Parker H., Aldridge J., Measham F. Illegal Leisure. The Normalization of Adolescent Recreational Drug Use. London; New York: Routledge, 1998.

Parker H., Bakx K., Newcombe R. Living with Heroin: The impact of a drugs «epidemic» on an English community. Milton Keynes, Philadelphia: Open University Press, 1988.

Parker H., Bury C., Egginton R. New Heroin Outbreaks Amongst Young People in England and Wales // Crime Detection and Prevention Series, Paper 92, London: Home Office, 1998.

- Pearson G.* The New Heroin Users. Oxford: Basil Blackwell, 1987.
- Pilkington H.* «Everyday» but not «normal»: Drug use and youth cultural practice in Russia, Final Report. 2004 // www.crees.bham.ac.uk/research/everyday/FReport.pdf.
- Pilkington H., Omel'chenko E., Flynn M., Bliudina U., Starkova E.* Looking West? Cultural Globalization and Russian Youth Cultures. University Park Pennsylvania: The Pennsylvania State University Press, 2002.
- Shildrick T.* Young People, Illicit Drug Use and the Question of Normalization // *Journal of Youth Studies*. 2002. Vol. 5. № 1. P. 35–48.
- Shiner M., Newburn T.* Definitely, maybe not? The normalisation of recreational drug use amongst young people // *Sociology*. 1997. Vol. 31. № 3. P. 511–529.
- Young J.* The Drugtakers: The Social Meaning of Drug Use. London: MacGibbon and Kee, 1971.
- Zinberg N.* Drug, Set and Setting: The Basis for Controlled Intoxicant Use New Haven and London: Yale University Press, 1984.

Хилари Пилкингтон
 PhD, профессор социологии кафедры социологии,
 Уорикский университет, Ковентри, Великобритания
 электронная почта : hilarypilkington@yahoo.co.uk
 (Пер. с англ. А. Поповой и Е. Омельченко)
